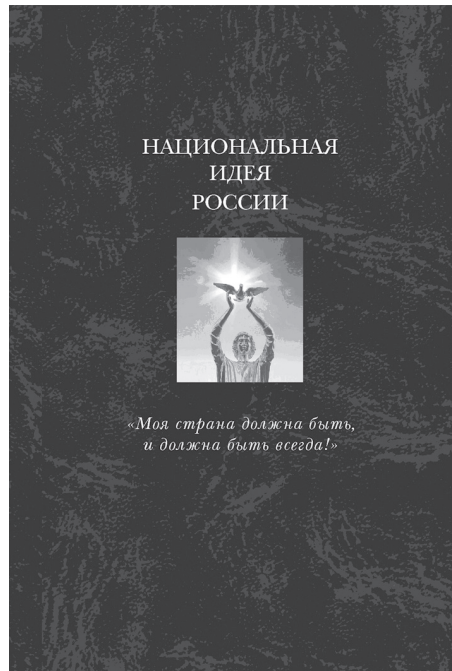

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО

Особенности национальной идеи (в шести частях)

Под эгидой Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования вышло в свет обширное, если не сказать — мощнейшее, исследование, важность тематики которого не вызывает сомнений в современной России ни у кого. Сотрудники Центра (в дальнейшем я позволю себе именно это сокращение, поскольку простая аббревиатура названия организации — ЦПАГУП — невольно вызывает ассоциации с топонимикой приключений Гулливера: помните — Броддингг, гуингмы и пр.) проделали серьезную работу, о которой хотелось бы сказать отдельно: все-таки не шутки — шеститомник!

«Национальная идея России: “Моя страна должна быть, и должна быть всегда!”», или О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так». В 6 т. Под общ. ред. С. С. Сулакшина. М., «Научный эксперт», 2012. 4440 с.

Внимание мое привлекли сразу три обстоятельства. Первое — это слоган издания: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!».

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — председатель Русского исторического общества и член Совета Российского исторического общества, директор Благотворительного фонда Сергея Радонежского, заместитель главного редактора и заместитель председателя редакционного совета международного общественного журнала «Свободная Мысль».

Здесь я должен упомянуть, что изучением данного издания занимался во время, свободное от участия в заседаниях общественно-научной конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и проходившей в Великом Новгороде в конце сентября этого года. Данное мероприятие, причастность к которому безусловно стала для меня честью, по мысли организаторов должно было отметить факт преемственности российской (или русской?) государственности, ее значение для отечественной и мировой истории.

Следуя выбранным курсом, те же организаторы проявили историческую преемственность

в традиции размещения участников конференции, поселив себя и VIP-гостей в апартаментах европейского уровня, а остальных (собственно, участников и выступающих) — попроще и поплотнее. Мне

лично вместе с коллегой (я уже упоминал, что размещали нас поплотнее) выпала участь проживать в гостинице «Интурист», возведенной то ли к Олимпиаде, то ли еще раньше. С тех самых времен вся инфраструктура доставшейся мне гостиницы и весь ее интерьер, судя по всему, оставались стойкими к вызовам модернизации, что в сочетании с отсутствием кофе, запасных ключей и мыла, а также перебоями водоснабжения создавало неповторимый колорит путешествия в далекое прошлое.

Отдавая должное организаторам конференции, стоит упомянуть, что они относились ко всем перечисленным выше нашим проблемам с истинно классовым сочувствием, о котором до этого мы имели лишь отдаленное представление, почерпнутое из произведений теоретиков марксизма.

К чему все это? Дело в том, что в холле гостиницы «Интурист» висела чеканка в виде олимпийского мишки. Именно о ней я вспомнил, прочитав слоган шеститомника «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!». Я в принципе не против того, чтобы отчеканенный мишка висел в холле новгородского «Интуриста» и висел там «всегда!». Но я, например, считаю, что пыль с него стирать надо. И ухаживать за этим изделием тоже надо — причем ухаживать бережно, дабы оно не покрывалось дефектами и выбоинами. А еще я считаю, что неплохо было бы этой эмблеме красоваться с другими знаками, которые ассоциировались бы с новыми достижениями нашего народа.

Но — увы! Олимпийский мишка одинок в своей запущенности... Хотя, само собой, он «должен быть и должен быть всегда!». Кстати, авторы рецензируемого мною шеститомника и организаторы конференции — одни и те же люди.

Вот, собственно, *второе обстоятельство*, которое обращает на себя внимание — авторский коллектив издания. С одной стороны, люди все уважаемые, с другой стороны, очень разные. Особенно интригует в составе авторов персона Владимира Ивановича Якунина — человека, действительно много делающего для русского исторического просвещения, причем делающего это исключительно по личному призванию (исходя в том числе и из этого,

я лично выдвигал его кандидатуру в руководящие органы созданного в этом году Российского исторического общества).

Постараюсь пояснить свое сомнение. Для меня было бы гораздо понятнее и казалось бы логичным, если бы В. И. Якунин был единственным автором шеститомника или наоборот — авторами шеститомника были бы исключительно все остальные авторы. Ведь присутствие в авторском коллективе столь крупного государственного деятеля волей-неволей провоцирует сложность безусловной веры в свободную дискуссионность у такого коллектива.

Впрочем, все это — лишь мои домыслы. Бывают в конце концов события или явления, объединяющие на какой-то миг совершенно разных людей. И случается такое чаще, чем кажется. Возьмем, к примеру, рыбную ловлю. Древние любили сравнивать ловлю рыбы с поиском истины, полагая при этом, что рыбе абсолютно все равно, кто и как ее поймал. Кстати, прекрасным художественным подтверждением тому может послужить фильм «Особенности национальной рыбалки», в котором идея поиска — то есть ловли рыбы — тоже объединила очень разных людей: оперуполномоченного Льва Соловейчика, егеря Кузьмича, предпринимателя Олеговича, прокурора, милиционера Семенова, зарубежного друга Раймо и... генерала Михалыча (самый солидный и справедливый персонаж).

Каким-то образом название упомянутого фильма перекликается с названием шеститомника, хотя...

И наконец, *третье обстоятельство*, на которое обращаешь внимание, — объем издания. Шесть томов, без малого 4500 страниц — каково?!

Само по себе это обстоятельство говорит о многом. Скажем, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса в имеющемся у меня варианте немецкого издательства уместился на 104 страницах; «Письмо вождям Советского Союза» А. И. Солженицына насчитывает и того меньше — 52 странички; письма монаха Филофея — еще меньше. А здесь — шесть томов, да притом каких!

Зачем авторы избрали указанный объем в качестве рабочего — вопрос такой же риторический, как и тот, что был задан в фильме

егерю Кузьмичу, взявшему на рыбалку вместо шестнадцати бутылок водки шестнадцать ящиков. Ответ Кузьмича тоже на слуху: *«Сколько надо — столько и взяли. Мы — культурные люди, свою норму знаем...»*

А теперь перейдем к содержанию.

Стоит признать: мы повсеместно слышим разговоры о том, что руководству страны не хватает видения глобальной перспективы, что решаются преимущественно задачи тактического — узковедомственного, отраслевого или регионально-го — характера, тогда как давно назрела необходимость в формировании комплексной стратегии развития России. И с этой точки зрения выход в свет рецензируемого издания можно только приветствовать.

Далее. С одной стороны, издание буквально переполнено атрибутами научности: дефинициями, таблицами, графиками, схемами, специальной терминологией; оно содержит внешне безукоризненно составленный научный аппарат (примечания, библиографический раздел и др.). Однако, с другой стороны, создается впечатление, что все эти атрибуты выполняют сугубо декоративную функцию и не отражают реальных объектов.

Несколько смущает авторский пафос (хотя правильнее было бы сказать — пафос авторского коллектива). Так, например, уже на странице 17 первого тома появляется извечное рассуждение о некоей «мессианской идее, российском мировом проекте». Читателю, правда, так и остается неясным, о каком мессианстве идет речь: Третьего Рима, Третьего Интернационала или чего-то еще. Но через несколько десятков страниц авторы неожиданно возвращаются к составленной было теме: «Есть такое ощущение (так и написано в тексте! — П.А.-Д.), что миссия России — спасти мир. Своим жертвенным опытом, своим призывом, своим противопоставлением высокого низкому, духовного — материальному, социального — индивидуально-эгоистическому, восходящего — потребительскому, очеловеченного — животному. Западный мир сваливается в потребительство, отходит от естественно-человеческого к извращению, к эксплуатации самых низменных инстинктов, доходящую

до “оскотинивания”. Спасти мир от “оскотинивания” выглядит как существенная задача» (Т. 1. С. 91).

Нет слов — звучит духоподъемно. Я бы даже сказал, промыслительно! (Хотя и не особенно свежо: кажется, о чем-то подобном писали уже славянофилы XIX века — правда не в шести томах и не сегодня). Остается только один вопрос: откуда авторы взяли столь лестные для современной России характеристики? Я опираюсь не на собственные субъективные суждения, а как минимум на данные социологических опросов, которые убедительно рисуют совершенно иную картину ценностных предпочтений граждан России.

Каждый сотый ребенок в нашей стране не имеет родителей; если в 1991 году в России насчитывалось 900 детских домов, то к 2004-му эта цифра выросла до 2100¹. Трудно представить себе, что подобное могло бы иметь место в обществе, большинство которого живет интенсивной духовной жизнью.

Весьма сложно обстоят дела и в том, что касается «материализма»: российское общество по своим ценностным предпочтениям давно уже не только достигло параметров потребительского общества западного типа, но в ряде аспектов даже превзошло их. Так, например, уже в конце «нулевых» данные социологических опросов фиксировали не только колоссальные потребительские амбиции молодежи, но и распространение в ее среде настроений этической всеядности. Ни подхалимство, ни использование личных связей не представлялись молодым людям чем-то аморальным, если помогали сделать успешную карьеру. Уже в то время немалая часть молодежи была глубоко убеждена, что цель оправдывает средства². И (добавлю от себя) нечего говорить о том, что к настоящему времени эту печальную тенденцию не удалось переломить.

Пожалуй, в подобных настроениях нет ничего неожиданного, они закономерны, они — проявление аномии, охватившей общество, пережившее кризис 1990-х го-

¹ См. www.statistika.ru/russiainprices/2007/11/14/russiainprices_9282.html

² См., например: www.wciom.ru/index.php?id=266&uid=9533

дов, следствием которого стала глубокая деградация всей системы социальных отношений (как «бесплатное приложение», проходившее в комплекте с деградацией советского социализма). Несомненно, эту острейшую проблему надо решать, и дел здесь хватит далеко не только нашему поколению... Однако, по моему ограниченному суждению, шеститомник не дает нам ответов, как именно это следует делать.

Конечно, доверившись названию шеститомника, читатель может попытаться найти в нем ответ на означенный вопрос. Но, боюсь, результат будет примерно таким же, какой был у персонажа по имени «Олегович» из упомянутого выше фильма. Напомню, что этот персонаж попытался найти русалку в трансформаторной будке, предварительно вооружившись цветами. Надпись на двери помещения, изначально гласившая *«Не влезай — убьют!»*, была творчески переделана в более выразительную путем замены второго слова на другое, со схожим смыслом и тоже в рифму. Ознакомившись с этим плодом творчества местных юмористов, генерал Михалыч риторически спросил: *«Кузьмич, ну и что подумает культурный человек, увидев такую надпись?»* И получил весьма показательный ответ: *«Ну да! Культурный человек, с цветами, в трансформаторную будку лазить не станет!»* Так куда же читателю, ничтоже сумняшеся...

Да простится мне столь частое обращение к одним и тем же любимым народом кинообразам, но в этом я мало отличаюсь от авторов рецензируемого шеститомника, крайне редко использующих сколь-нибудь свежий фактический материал. Показательно, что в масштабном труде объем использованных источников и литературы оказывается довольно скромным: всего 5 законодательных актов, 231 название научной литературы только на двух (русском и английском) языках, да к ним — полсотни с небольшим ссылок на Интернет-ресурсы (см. Т. VI. С. 4425—4439). Для 4,5-тысячестраничного текста — капля в море.

Зато, как уже говорилось выше, авторы на каждом шагу приводят всякого рода графики, диаграммы, таблицы и т. п. Но прибавляет ли это доказательности их

выводам? Обратимся к примерам. Так, на странице 28 (Т. I) помещена диаграмма (см. Рис. В.1.3), озаглавленная «К понятию факторного профиля страны. При одинаковой жизнеспособности набор оптимальных факторов для разных стран может быть разным (профили гипотетические, условные, используемые для иллюстративной цели)». Строго говоря, анализом одной только подписи можно было бы и ограничиться (ее вообще следовало бы приводить в качестве красноречивого примера в определенных учебниках и пособиях), ибо диаграмма, используемая просто в качестве картинки «для иллюстративной цели», — это уже сама по себе «штука, посильнее «Фауста» Гете». Однако, как говорят в таких случаях врачи и автослесари, дело обстоит гораздо хуже. Потому что сам факт появления подобной диаграммы — свидетельство того, что авторы действуют, что называется, «наощупь»: они рисуют кривые, никак не связанные с данными, отложенными по вертикальной и горизонтальной осям координат.

В частности, на странице 18 (Т. I) находится Рисунок В.1.1, лихо и безбоязненно озаглавленный «Коэффициент жизнеспособности страны», на котором изображены три смело закрученные кривые. Одна из них озаглавлена «Российская империя», вторая — «СССР», третья — «Российская Федерация». Первые две кривые упираются в горизонтальную ось координат: первая — после отметки «1900», вторая — перед отметкой «2000». Цифры обозначают годы; почему нельзя было четко обозначить на той же оси «1917» и «1991» — непонятно. Еще более непонятно, почему кривая «Российская Федерация» резко загибается вверх после отметки «2000», превращается в пикетир и сопровождается надписью *«Сможет ли?»* (Я не шучу!). Как при этом понимать изображенное, мне лично совсем не ясно, ибо никаких статистических обоснований такого чкаловского «загиба вверх» не приводится. Да и вообще: нет статистики — зачем график? Или «просто» текстуального изложения гипотезы о возможном рывке «Российской Федерации» недостаточно? Или без выдуманной кривой такое изложение будет выглядеть «некрасиво» (простите, «ненаучно»)?

В связи с этим мне вновь вспоминается генерал Михалыч из известного фильма,

который, глядя на звездное небо над головой, произносит: *«Н-да... Если долго смотреть на Луну, можно стать идиотом. У нас в Средней Азии так говорили»...*

Однако там, где «цифирь» все-таки появляется, она совершенно не облегчает положение читателя. Вернемся, например, к тому же Рисунку В.1.1. На вертикальной оси координат отложена величина, озаглавленная «КЖС». Что это такое, спросите вы? А это — уже упоминавшийся «коэффициент жизнеспособности страны», принцип определения которого поясняется авторами ниже (см. *T.I.C. 96 и далее*). Оказывается, «группа экспертов (15 человек) давала оценку КЖС, используя его качественное определение» (*Там же*). Параллельно тот же показатель вычислялся по сложной формуле, в основу которой положены такие показатели, как коэффициент территории страны (вычисленный с учетом ее изменения), коэффициент изменения численности населения, а также коэффициент, отражающий «качество государственного управления» (вычисляемый методом экспертной оценки), которые для определения итогового результата предлагается перемножить.

Не будем разбираться в увлекательнейшем процессе математического вычисления (см. *T.I.C. 102—105*), ибо дело здесь не в математике: математический аппарат — не более чем средство для ученого; содержательный же смысл имеют те качественные параметры, которые, собственно, и являются объектом исследования, и неважно, проводится ли оно с применением математики или нет. Оставим за кадром и проблему объективности экспертных оценок (хотя сказать, что предлагаемые авторами формулы их определения спорны или смелы, — значит не сказать ничего ни о формулах, ни об авторах). Обратимся лишь к главному вопросу, суть которого — существует ли в принципе прямая связь между территориальным ростом и ростом численности населения страны, с одной стороны, и эффективностью государственного управления, с другой.

Для авторов ответ на этот вопрос — как и на большинство других вопросов в жизни — очевиден. Но на мой взгляд, это совсем не так, поскольку четкой корреляции между означенными показателями не существует уже потому, что террито-

риальный рост страны в разные периоды ее истории происходил при разных условиях и объяснялся разными причинами. Трудно, например, признать эффективным правителем лживого и вероломного Ивана Калиту (1325—1340), хотя именно он — палач тверского восстания 1327 года, пресмыкавшийся перед ханом Узбеком и резавший своих соплеменников, — положил начало «собиранию» русских земель вокруг Москвы. Потомки, конечно, оценили этот шаг, но современники имели все основания его ненавидеть, тем более что сборщики ханской дани, приходившие от Калиты, по своей жестокости мало чем отличались от татарских бессерменов.

А вот еще один пример того же рода. Цену, заплаченную Россией за сокрушение Речи Посполитой и воссоединение с Украиной в XVII веке, В. О. Ключевский в свое время определил предельно четко: «государство пухло — народ хирел»³. Правда, и тут благодарные потомки оценили сделанные приращения (как по территории, так и по населению); но увы — «бонусами» дело не ограничилось и для них тоже. За военные победы XVII века страна заплатила страшную цену, прежде всего — введением крепостного права и сломанной через колено системой земского самоуправления, на смену которой пришла бездушная бюрократическая вертикаль, доведенная до совершенства в XVIII—XIX столетиях. Совсем неоднозначны и приращения территории и населения, сделанные при Александре I (1801—1825): достаточно вспомнить одно только присоединение Польши, которая быстро превратилась в кость в горле Российской империи. И наоборот, трудно априори обвинять Л. И. Брежнева в неэффективном управлении страной только на том формальном основании, что при нем территория страны не увеличилась, а темпы роста ее населения ощутимо замедлились.

И это — лишь малая толика подобных примеров, наглядно свидетельствующих, что применительно к каждому конкретному историческому периоду оценка состояния страны предполагает учет десятков (а то и сотен!) параметров. А потому

³ В. О. Ключевский. Курс русской истории. М., 2002. Лекция 41. — www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch41.ht

КЖС — один из основополагающих показателей используемых авторами величин — не дает никакого представления о реальном положении общества и государства ни в прошлом, ни в настоящем, ни тем более в будущем.

Помните, в известном фильме егеря Кузьмича спросили: как тот определяет курс судна? *«Два пальца левее Алголь!»* — отвечает тот. *«Это звезда в созвездии Персея»*, — поясняет генерал Михалыч, после чего вся компания благополучно очутилась вместо своего родного одиннадцатого кордона в Финляндии.

Помимо графиков и диаграмм особого внимания заслуживают таблицы. И здесь опять же за примерами далеко ходить не надо. Откроем страницы 35—36 (Т. I) и посмотрим Таблицу В.1, относительно которой авторы дают следующее пояснение: «В табл. В.1 приводится перечень наиболее мощных формулировок национальной идеи в виде официально принятого девиза». Такое смелое замечание предшествует рассуждению о том, как велико для общества значение национальной идеи, и как много эта идея значит для успешности той или иной конкретно взятой страны.

Оставим за бортом целый ряд вообще-то принципиальных вопросов. Например, не будем пытаться понять авторскую логику, в рамках которой и сама идея (предлагаемая формулировка которой применительно к России вынесена в заглавие опуса), и отражающий ее суть девиз оказываются чем-то вроде магического заклинания. Абстрагируемся также от того, откуда взяты все эти девизы или, говоря авторским языком, «формулы национальной идеи»: при ближайшем рассмотрении они либо обнаруживаются на государственных гербах соответствующих стран, либо... прихвачены откуда придется. Например, это касается Белоруссии, которой авторами приписан слоган «Жыве, Беларусь!» (авторская орфография сохранена. — П. А.-Д.), заимствованный из стихотворения Я. Купалы «Гэта крык, што жыве Беларусь» (1905—1907) и используемый ныне белорусской оппозицией, но не всеми белорусами без исключения. Или Японии, девизом (!) которой авторы

по непонятным причинам сочли эпитет «Страна восходящего солнца», и т. д.

Отдельный вопрос: откуда взялся девиз «Российской империи «Православие. Самодержавие. Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество» (именно так в тексте!)? Ведь уваровская триада «православие, самодержавие, народность» никогда не носила официального характера даже в николаевское время, когда де-факто была положена в основу официальной государственной идеологии в сфере образования. Далее, лозунг «С нами Бог» сам по себе не содержит ничего особенно «русского» или «российского»: его латинский аналог «*Deus nobiscum*» в качестве боевого клича использовался на Западе со времен Средневековья, а немецкий «*Gott mit uns*» помещался на солдатских пряжках едва ли не до начала 1960-х годов и т. п. Наконец, девиз «За Веру, Царя и Отечество!» никогда не выходил за пределы собственно военной среды. Кроме того, он сформировался относительно поздно: вероятно, ближе всего по времени происхождения к нему следует поставить легенду на кресте ополченца 1812 года «За Веру и Царя!». В любом случае, нам неизвестно ни одного аутентичного примера употребления выражения «Православие. Самодержавие. Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество» как единого целого; в этом смысле оно является несомненным изобретением авторов.

Последним искренне хочется пожелать самим не запутаться в созданной ими системе распознавания девизов по принципу «свой—чужой». И как здесь не вспомнить компанию во главе с генералом Михалычем из известного фильма, спорящую о том, чем являются пельмени, изготовленные под этикеткой «равиоли»: «*Но они же — равиоли?! — но тем не менее — пельмени! Но все же изначально они — равиоли?! Но они же — пельмени!!!*»...

Но все это еще цветочки, если приглядеться и понять главное. А именно — что в число «успешных» стран авторы ничтоже сумняшеся записывают: Анголу, Восточный Тимор, Габон, Гайану, Гвинею, Гвинею-Биссау, Камерун, Коморские острова, Мали, Сьерра-Леоне, Центрально-Африканскую Республику и т. п. Не хочется никого обижать, но ориентир для России просматривается весьма своеобразный.

Тот же факт, что в одном перечне с ними фигурируют Франция, Испания, Австрия, ничего не объясняет. Либо объясняет, но сугубо противоположное тому, что пытаются доказать авторы. А именно — что удачное содержание «национального девиза» само по себе ничего не значит; использующее его государство в равной мере может быть как «успешным», так и «неуспешным». Тем более что в Таблице даже не упоминаются (то есть не имеют достойных девизов?) такие государства, как США, Великобритания, ФРГ, Австралия, Канада и др., которые трудно назвать «неуспешными». Можно ли сравнивать успешность стран, исходя из их национальных девизов? Вопрос непростой. На мой взгляд, вся эта мистика далека от реалии повседневности. Любой так называемый национальный девиз по определению будет недостаточен и избыточен одновременно.

Егеръ Кузьмич в упомянутом фильме на этот счет говаривал: *«Не знаю — как у них, а у меня с веранды наблюдать за Луной — это сплошное удовольствие, полное отрешение от нашего бреда»*. Правда, другой персонаж, Олегович, не принимал такую жизненную позицию: *«Послушай, Кузьмич, ну почему тебя обязательно в какую-то мистику тянет? Ну почему нельзя просто, по-нашему, по-русски — сидеть и медитировать, а?»* На что Кузьмич аргументированно замечал: *«Если по-нашему — никакого здоровья не хватит!»*

И наконец, последняя в настоящем обзоре, но не последняя по своему значению, группа примеров, не менее показательная, чем те, о которых я писал выше. На Рисунке В.4.1 (см. Т. I. С. 122), озаглавленном «Различие национальной идеи и божественной заповеди» (каково?!), изображена схема, представляющая собой четыре кружка, попарно расположенных один над другим. На двух верхних написано «Бог», на двух нижних — «Народ». Первая пара кружков соединена стрелкой, направленной сверху вниз (от «Бог» к «Народ») и подписанной «Откровение»; на второй паре — снизу вверх (от «Народ» к «Бог»), а надпись гласит «Национальная идея». Налицо не только очевидное создание сущностей сверх необходимого (о том же самом говорится и в тексте (см.

Т. I. С. 121—122)), и схема здесь вовсе не нужна), но и (что более важно) привлечение в круг исследуемых объектов того, что не может быть исследуемо в принципе. Вот как гласит текст: «Божественное откровение, равно как и заповедь, адресно ориентировано от Бога к людям. Человек в данном случае выступает не деятельностным субъектом, а медиатором идущих свыше установлений. Национальная идея... выстраивается не от Бога к человеку, а от человека к Богу. Место Божества может быть занято и каким-либо другим общественным идеалом» (Там же).

На этом месте остается только развести руками и сказать, как в анекдоте: «Ребята, вы уж либо штаны наденьте, либо крест снимите!» Ибо вопрос состоит вовсе не в личной вере или неверии; дело касается жанра. Либо вы занимаетесь научным исследованием, но тогда причем тут Бог — субстанция очевидно непознаваемая, а потому научному исследованию не подлежащая. (То же касается и других, не менее часто фигурирующих в тексте, но неподвластных науке явлений — «мессианства», «пассионарности» и т. п.) Либо вы создаете сугубо идеологический продукт, тогда о Боге и прочем — сколько угодно; но оставьте в покое науку. Ибо написано «непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11:33), и не вам спорить с апостолом Павлом.

Короче говоря, либо одно, либо другое. Помните, в известном фильме Олегович сетует по поводу того, что его друзья по несчастью забыли в Финляндии все спиртное, и теперь рыбалка пройдет, что называется, «в сухую». При этом Лева Соловейчик спрашивает: *«Серезжа, ты что, сюда только водку тить приехал?»* — *«Ну не только, отдохнуть там, рыбу ловить...»* — сразу тушется тот, на что Соловейчик просто-таки орет, концептуально расставляя приоритеты: *«Вот и лови свою рыбу!!! А о водке — ни слова!!!»* Действительно, если нам говорят, что исследование научное, то о Божественном — ни слова!

На этом, пожалуй, стоит завершить, ибо сказать хочется слишком много, а места на бумаге для этого — слишком мало (отмечу лишь, что для авторов шеститомника такой проблемы не существовало). Рамки рецензии безграничны.

Еще раз подчеркну: все изложенное здесь — моя личная позиция. И добавлю, что, пожалуй, впервые в жизни мне в руки попал материал, для составления впечатления о котором мне пригодились не только два моих образования (инженера-конструктора и историка), не только опыт редакторско-издательской деятельности, не только многое из того, что я читал до сих пор, но даже персонажи известного сатирического фильма девяностых, который я люблю пересматривать, но который до сих пор никогда не предполагал использовать в качестве объяснения «фундаментального научно-го исследования».

Я предоставляю другим дальше разбираться в огромном тексте, при чтении едва ли не каждой из 4,5 тысячи страниц которого возникают замечания и сомнения критического характера: в конце концов, для того чтобы понять, что суп прокис, вовсе не обязательно есть его до конца — достаточно пары ложек.

Тех же «борцов за идею», кто попытается уличить меня в нежелании разбирать главный результат, к которому приходят авторы рецензируемого труда, а именно — «Научный макет новой Конституции России...» (см. Т. VI. С. 4261—4401), я, в свою очередь, прошу объяснить мне, несчастному, что такое «научный макет»? и чем он, например, отличается от макета «ненаучного»? Как человек, потративший шесть лет своей юности на изготовление макетов летательных аппаратов, а ныне — ежемесячно подписывающий макет журнала в печать, я лично, этого не понимаю.

Потенциальным критикам моих слов нелишне было бы также доказать для начала, что люди, ставящие в один смысловой ряд екатерининские «жалованные грамоты» (памятник сословного законодательства, ничем не ограничивающий самодержавия, а потому не имеющий никакого отношения к конституционализму) с Конституцией СССР 1936 года, и не знающие, чем «Полное собрание законов Российской империи» отличается от «Свода законов Российской империи» (см. С. 4026), вообще понимают, что такое конституция и конституционализм. Пусть сначала докажут это, поскольку пока единственной закономерной реакцией на их заявление может быть крылатое выражение генера-

ла Михалыча: «Ну вы, блин, даете!», к которому я полностью присоединяюсь.

И последнее. Я не питаю иллюзий насчет того, что моя критика будет услышана коллективом авторов, отнюдь. Напротив, понимая, во что они ввязались сами и во что втянули других, я могу лишь отнестись к ним с тем же классовым сочувствием, с которым они относились к бытовым неудобствам участников конференции в Великом Новгороде, уплотненно проживающим в гостинице «Интурист», которая, как мы теперь знаем, как и Россия — «должна быть, причем должна быть всегда» (принцип, который я лично бы распространил и на горячую воду в номерах упомянутой гостиницы).

Пользуясь своим служебным положением, я настоял, чтобы объективности ради вместе с моей рецензией была размещена и другая, написанная моей коллегой доктором Е. Пономаревой. Убежден при этом, что ее чудесное размещение на конференции в апартаментах люкс вместе с организаторами никоим образом не отразится на объективности рецензирования, а сделанные ею выводы не будут продиктованы чувством классовой солидарности с организаторами. Кроме того, моим дорогим читателям хорошо известно, что страницы нашего журнала всегда открыты для свободного обмена мнениями и высказываний (по крайней мере статьи одного из авторов шеститомника мы с удовольствием регулярно печатаем).

Заканчивая данную рецензию, я вдруг задался вопросом: а что должны ощущать авторы шеститомника в момент завершения работы над ним?

Мне почему-то на ум пришли последние кадры все того же известного фильма. Помните? После того как веселая компания сплавала за границу, откуда после бежала; после того как потеряла, затем нашла, затем снова потеряла четырнадцать ящиков водки; после того как потопила баркас; после того как не смогла поймать никакой рыбы (одну из двух рыб, фигурирующих в фильме, как мы помним, поймала кошка) и поучаствовала в боевых учениях, — после всего этого любимый персонаж наших зрителей генерал Михалыч подводит итог: «Хорошая рыбалка получилась. Давно так не отдыхал!»

Продолжение в следующей серии?! ◆